

УДК 93/94

Реутова Юлия Евгеньевна, 1 курс (магистратура), исторический факультет, ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», г. Курск. Россия

E-mail: yuliya.reutova.02@mail.ru

Научный руководитель: Соиников Алексей Анатольевич, доктор исторических наук, профессор каф. истории России, исторический факультет, ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», г. Курск, Россия

E-mail: profsoin@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЛИК РАБОЧЕЙ СЕМЬИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА 1905 – 1907 ГГ. В ОТРАЖЕНИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И СПЕЦИАЛЬНЫХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

Аннотация. В данной статье рассматривается трансформация ментального облика рабочих в начале XX века в Российской империи. Дан анализ основным изменениям, происходящим в семье рабочего в 1905–1907 гг. Сделан вывод о важной роли семьи в общественной жизни изучаемой эпохи.

Ключевые слова: семейное положение, периодические издания, мужчина, женщина, первая российская революция, ментальность.

Yulia E. Reutova, 1st year (Master's degree), Faculty of History, Kursk State University, Kursk. Russia

E-mail: yuliya.reutova.02@mail.ru

Scientific supervisor: Alexey A. Soynikov, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History of Russia, Faculty of History, Kursk State University, Kursk, Russia

E-mail: profsoin@mail.ru

THE SOCIO-PSYCHOLOGICAL APPEARANCE OF THE WORKING FAMILY
OF ST. PETERSBURG 1905 – 1907. IN THE REFLECTION OF RUSSIAN
SCIENTIFIC LITERATURE AND SPECIAL PERIODICALS

Annotation. This article examines the transformation of the mental image of workers in the early twentieth century in the Russian Empire. The analysis of the main changes taking place in the worker's family in 1905-1907 is given. The conclusion is made about the important role of the family in the social life of the studied epoch.

Keywords: marital status, periodicals, man, woman, the first Russian revolution, mentality.

В начале XX в. вследствие модернизации экономики и социальной сферы и других областей жизни, а также постепенного нарастания революционного кризиса наблюдалась активная трансформация ментального облика рабочих. Она проявлялась преимущественно сменой ценностных ориентаций и умонастроений [13, с. 117–118]. В рассматриваемый период одновременно с ростом социальной мобильности населения в силу социально-экономических причин постепенно протекал процесс эмансипации женщин и, как следствие – трансформации традиционных ролей мужчин и женщин, разрушения сложившихся устоев их межличностных семейных отношений. В этот процесс оказались вовлечены не только дворянские семьи, интеллигенция, но и «социальные низы».

Журналист и публицист второй половины XIX века В.О. Михневич отмечал: «Не подлежит сомнению, что старые скрепы семьи, державшиеся главным образом на крутом подчинении женщины, у нас подорваны и расшатаны не только в интеллигентном обществе, но и в крестьянской среде – в деревне. Женская эмансипация у нас – вовсе не выдумка либералов, а несомненный реальный запрос жизни, естественным порядком возникший из общего освободительного движения преобразовательной эпохи. Потребность в

большей свободе, в большей индивидуальной самостоятельности в семье чувствуется живо не только интеллигентной барыней, но и простой деревенской бабой, и не подозревающей о существовании «женского вопроса» [11, с. 424].

Непростое положение женщин из пролетарских семей начала XX в. нашло отражение на страницах специальных периодических изданий. Например, в «Женском вестнике» неоднократно поднималась проблема изнурительных условий повседневной жизни фабрично-заводских работниц: «Алкоголь тяжело сказывается на работницах и особенно на женах рабочих. Если муж пьяница, семья попадает в безвыходное положение. Жене приходится покидать детей и идти самой на заработки. Но женский заработок всегда хуже мужского. Кроме того, жене приходится платить за присмотр за детьми. Она делается настоящей мученицей. Возвратясь с работы, усталая, она находит своих детей полуголодными, оборванными, брошенными. Она видит, что дети без материнского присмотра начинают портиться, отдаются порокам и гибнут. Она часто подвергается оскорблениям и побоям пьяницы-мужа, который не только пропивает свой собственный заработок, но отнимает у жены гроши, заработанные ее тяжелым трудом, и тащит в кабак последнее имущество» [5, с. 65–69]. Однако устойчивость архетипов крестьянской ментальности и господство общинной психологии позволяло рабочим сохранять приверженность общинным порядкам. Под их влиянием фактически сложились полноценные трудовые сообщества. В специфических условиях фабрики или завода такие сообщества фактически воспроизводили сельские общины.

В годы первой российской революции городские рабочие и вовсе добивались права на собственное самоуправление, наподобие крестьянского. Следовательно, менталитет рабочих (за исключением сравнительно небольшого слоя сознательных рабочих) оставался в рамках традиционных крестьянских представлений [10, с. 344]. Союз рабочих печатного дела оказывал материальную поддержку не только арестованным или высланным печатникам,

но и их семьям [6, с. 313]. Характерная для крестьянской общины коллективная ответственность за каждого из своих членов, выработанные веками формы взаимопомощи, гарантирующие каждому минимальный прожиточный уровень, был чертой народного сознания, и воспринимались рабочими как нечто само собой разумеющееся. В отношении же религиозности столичных рабочих следует отметить, что активное участие рабочего класса, особенно «сознательной» его части, в революции 1905 – 1907 гг., политизация пролетариата, его быстрый численный рост и другие причины, по справедливому заключению С.Л. Фирсова, привели к тому, что в начале XX столетия «кризис в отношениях между рабочими и официальной Церковью обозначился со всей ясностью» [17, с. 328].

Однако, как обращал внимание историк Ю.И. Кирьянов, «если «передовые» рабочие, связанные с социал-демократией, социалистами, порвали с верой в царя, то этого нельзя было сказать о пролетарской массе. До событий 9 января 1905 г. за десятками тысяч передовых рабочих стояли миллионы, у которых вера в царя сохранялась. Значительная часть рабочих («отсталые слои пролетариата», как отмечали социалисты) сохраняла «монархические предрассудки» и в разгар революционных событий 1905 г. встала, наряду с представителями других слоев городского населения, на защиту существовавших государственных устоев» [8, с. 59].

По воспоминаниям рабочего С.И. Канатчикова, занимавшегося пропагандой социалистических идей, «почти открыто можно было ругать заводскую администрацию, полицию, попов, но нельзя было задевать ни царя, ни бога. «Чашки бей, а самовар не трожь!», – нередко можно было слышать окрики от стариков, когда кто-нибудь из сознательной молодежи задевал царя» [7, с. 154]. Тем не менее, пролетариат столицы являлся наиболее грамотной и политически развитой частью рабочих России. Характерно, что процент грамотных рабочих-мужчин в Петербурге в начале XX в. составлял 74,8%, в то время как по империи в целом он достигал только 59,9%. Среди работниц грамотными были 40,8% и 34,9% соответственно [3, с. 84]. Э.Э. Крузе

отмечала, что среди петербургских рабочих, особенно после 1905 г., все чаще стал встречаться совершенно новый тип рабочего интеллигента, который путем самообразования получал разносторонние знания. На ведущих столичных предприятиях – Путиловском, Невском судостроительном, Металлическом заводах, предприятиях Нобеля, Сименса и Гальске и многих других фабриках – почти все рабочие не только являлись подписчиками и читателями пролетарских газет, но были их основными корреспондентами [9, с. 131]. Высокую оценку собственного уровня образования такие рабочие получили от интеллигенции. 23 января 1905 г. 186 инженеров обратились с письмом к председателю Комитета министров С.Ю. Витте по поводу событий 9–10 января в Петербурге. Инженеры отмечали, что переживаемый в стране кризис вызван отсутствием политических свобод и неустроенностью жизни новой общественной силы – класса рабочих, порожденного ростом промышленности. «Составляя по своему умственному развитию и по условиям своей жизни в наиболее культурных центрах страны передовую часть народной массы, – отмечалось в письме, – наши промышленные наиболее образованных рабочих очень часто называли сознательными. Именно они становились активистами рабочего движения, боровшимися за экономические и политические права пролетариата, а в дальнейшем – движущей силой революционных событий 1905 – 1907 гг. О.С. Поршнева объясняет такую активность сознательных рабочих развитием промышленности. Потребности, запросы и ожидания рабочих находились в прямой зависимости от уровня их культурного развития и социально- экономического положения. Рост этих потребностей и явился стимулом борьбы за равноправие и достойный уровень жизни [13, с. 121].

О росте самосознания в рабочей среде в условиях окружающей действительности вспоминал Иван Никитич Круглов, работавший слесарем на разных предприятиях Петербурга: «В первый раз я понял, какую силу имеет человеческое слово. Речь Павла Васильевича, искренняя и простая, произвела на всех нас неотразимое впечатление. Что касается меня, то я испытывал такое чувство, как будто из темного погреба вышел на яркий солнечный свет... Когда

я пришел на завод, я только и делал, что искал справедливость и правду. И все, что раньше проходило мимо меня незамеченным, теперь торчало перед глазами и спрашивало: «Что? Хорошо? Нравится тебе вот это?». Во мне как-то вдруг проснулся человек с сознанием собственного достоинства. И то, что раньше меня не трогало, теперь оскорбляло и возмущало до глубины души. Так, например, я никак не мог понять, за что с рабочими так грубо все обращаются. Ведь рабочие – не солдаты и не арестанты; они – свободные люди и не связаны ни дисциплиной, ни неволей. Рабочие вносят в жизнь самую великую ценность – труд человеческий, без которого невозможно существование... И вот, несмотря на всю силу и производительность трудовых людей, нашего брата- рабочего всячески угнетают и личность его ни во что не ставят. За что?» [15, с. 50–51]. Среди жителей рабочих окраин Санкт-Петербурга, как отмечалось выше, в рассматриваемый период преобладало пришлое население, причем процентное соотношение полов было неравным.

Так, например, в Шлиссельбургском участке столицы на каждые 100 мужчин приходилось только 82,2 женщины. Такое непропорциональное соотношение полов объясняется исключительно социально-экономическими условиями данной местности – крупного очага фабрично-заводской промышленности: «Большая часть рабочих или холостые, или являются сюда без жен, которые остаются в деревне» [12, с. 1141]. В целом же по городу, в рассматриваемый период подавляющее большинство рабочих Санкт-Петербурга, а именно 86,5% мужчин и 85,6% женщин, жили вне семьи или не имели ее вовсе. Этот показатель значительно превосходил среднее значение по России (58,4% и 48,8% соответственно) [3, с. 53].

Исследователь С.В. Бернштейн-Коган отмечал: «Вопрос о семейном положении русских рабочих, сконцентрированных в больших городах или фабричных селах с характером городских поселений, отличается большой сложностью. Сложность эта проистекает из того факта, что в огромном числе случаев русский городской наемный рабочий – отхожепромышленник; он еще не порвал связи с землей и с родной деревней, где он часто оставляет свою

семью. Это делает его положение совершенно исключительным... В различных профессиональных группах мы найдем целый ряд переходных ступеней от весьма тесной связи с землей до полного с ней разрыва и, в соответствии с этим, большое разнообразие в семейном положении рабочих... Процент живущих одиноко и вне семьи очень значителен. Во всей империи больше половины, а в Петербурге больше четырех пятых рабочих обречены на такую участь» [3, с. 52]. С другой стороны, процент семейных рабочих, проживавших в своих семьях, был очень низким: 8% среди текстильщиков и около 10% среди металлистов [9, с. 142–143].

Эти обстоятельства порождали другие социальные проблемы, негативно отражавшиеся на местном фабричном населении: «Мы встречаемся с таким печальным явлением, как незаконные сожителства. Иногда случается, что у рабочего образуется две семьи: одна здесь, другая в деревне» [12, с. 114]. Об этой специфике взаимоотношений полов в пролетарской среде писал дореволюционный петербургский журналист В.О. Михневич: «Не в выгодном свете представляются также и нравы петербургского фабричного чернорабочего люда в данном отношении, особенно в тех случаях, где сталкиваются на работах оба пола. Как и большинство промышленяющих в Петербурге крестьян, фабричные – мужчины и женщины – состоят главным образом из молодежи, либо совсем холостой, либо живущей не в брачных парах. В незаконные связи между полами чрезвычайно распространены в этой среде, благодаря еще и тому, что нравы ее по-городски разнузданны и на самый факт интимного сожителства парней с девушками в ней установился весьма терпимый взгляд. Сожителство происходит здесь открыто, его никто не стыдится, и оно никого не смущает» [11, с. 496]. Кроме того, следует также учесть изменения в сознании рабочего населения. Как справедливо заметил А.А. Бахтиаров, «едва ли не большинство петербургского населения живет чисто материальной жизнью; нравственные же интересы находятся вне столицы, где-нибудь в провинции. Начиная от опереточной дивы и кончая каким-нибудь костромским плотником – все подобные заезжие обыватели

столицы живут в ней временно, на заработках» [2, с. 155]. Однако именно этот тип межличностных отношений оказался наиболее прогрессивным и получил широкое распространение в более поздний исторический период.

По наблюдениям В.О. Михневича, связи в подобных союзах были «довольно крепкие и даже сравнительно целомудренные. И «душенька» и ее «хахаль» отличаются взаимной верностью и уже не разбрасываются по сторонам, пока связь их в силе» [11, с. 497]. Более того, «вольные любовные связи здесь вовсе не имеют характера унижительной для женщины, оподляющей обе стороны, купли и продажи. На любовь идут обе стороны по чувству, свободно, без всяких корыстных расчетов. «Душенька» – отнюдь не «содержанка», а скорее товарищ своего возлюбленного в материальном и житейском отношении. У нее свой заработок, у него – свой. В этом деле они оба равноправны и независимы. Вступая в связь, девушка продолжает работать на фабрике, и социальное положение ее нисколько не изменяется» [11, с. 497-498]. Молодежь из семей рабочих, ремесленников, мелких торговцев по аналогии с крестьянскими традициями имела возможность познакомиться друг с другом в весенне-летней период на игрищах, которые проводились в выходные и праздничные дни. Там играли в массовые игры, водили хороводы и пели песни [1, с. 36].

Следствием такого сожительства в конце XIX – начале XX в. стал рост числа незаконнорожденных детей. «Объяснением этому являются отчасти условия самой жизни на фабриках и заводах: больше несемейных, большая свобода нравов, больше распущенности. Этот социальный недуг присущ всем промышленным центрам» [12, с. 116]. В Петербурге, по свидетельствам современников, незаконнорожденным был каждый четвертый ребенок. По этому показателю столица опережала многие европейские города, уступая лишь Москве, где незаконнорожденными были 41,9% детей [11, с. 4]. Но была и другая проблема: «Отход, при всем его огромном цивилизующем влиянии, страшно вреден тем, что, разобщая мужей и жен, родителей и детей, он мешает прочному образованно действительно оседлой и культурной массы городского

населения. Деревня дает способы дешево содержать семью, и это является одним из моментов, позволяющих понижать городскую заработную плату. Но главное «Зло отхода, приносящее болезни и развращающее морально, это именно разобщение мужа с женой и семьей. Это зло исчезнет, когда хронический, т. е. регулярный отход перейдет в выселение, т. е. когда живущий теперь на два дома отхожий рабочий станет, наконец, «жить, как все живут», на один дом» [16, с. 484].

Итак, по мере ослабления связи с землей вступление в брак становится для рабочего все труднее, и рабочие в специфически городских профессиях, т. е. таких, в которых число отхожепромышленников незначительно, дают самый низкий процент состоящих в браке. У этих рабочих процент, состоящих в браке в сильной степени зависит от уровня оплаты труда; вместе с тем у тех из них, которые состоять в браке, процент живущих в семье сравнительно высок. Обратное явление наблюдается в тех группах, в которых число отхожепромышленников велико [3, с. 61]. Но на семейном положении работниц вступление в сферу промышленного труда отражается, по сравнению со всем женским населением, гораздо резче, чем на семейном положении рабочих по сравнению со всем мужским населением [3, с. 64].

В рассматриваемый период для городских семей, равно как и для сельских, была характерна полная подчиненность всех домочадцев главе семейства – в большинстве случаев мужчине. Существовала сложная иерархия семейных отношений, при которой женщины подчинялись мужчинам, жены – мужьям, младшие дети – старшим. В сложившейся системе женщины занимали наиболее неравноправное положение. Жены, дочери должны были полностью подчиняться мужьям, отцам, братьям. Такая внутренняя патриархально-авторитарная организация семьи идеологически поддерживалась церковью, а законодательно – государством. В рабочих семьях, как правило, сохранялись строгие нормы поведения. В частности, жена не могла выйти из дома без разрешения мужа. Нарушение этого правила могло привести к серьезному семейному конфликту. В то же время, традиционная патриархальная модель

претерпевала изменения. В тех семьях, где женщина работала на производстве наравне с мужчиной (например, в семьях петербургских текстильщиков), отношения между супругами становились равноправнее [1, с. 96, 98–99].

При зарплате менее 400 р. в год число женатых рабочих ничтожно; при зарплате в 400–600 р. большинство рабочих женато; при зарплате выше 600 р. рабочие получают возможность воспитывать детей. Иными словами, каждая бюджетная группа имеет свой средний размер семьи, который и будет для данной группы типичным; единой же типичной семьи для всех бюджетных групп не существует. Погоня за такой единой типичной семьей для всех бюджетных групп сильно вредит бюджетной статистике. Так, если мы остановимся на семье в 4 чел., то такой состав семьи будет типичен для семей с бюджетом в 700–1100 р.; в группах с бюджетом менее 700 р. семья в 4 чел. будет далеко превышать среднюю семью и, следовательно, в «типичные» семьи попадут лишь более всего обремененные детьми, поставленные в ненормально-тяжелые условия семьи. Напротив, для групп с бюджетом более 1100 р. семья в 4 чел. слишком мала. Таким образом, наблюдение «типичных» семей приводит к собиранию совершенно нетипичных бюджетов [14, с. 6]. Итак, при бюджете менее 600 р. петербургский рабочий только в исключительных случаях может воспитывать детей; а так как средняя заработная плата петербургского рабочего равняется 300–350 руб., то только незначительная часть всего числа рабочих может иметь в городе семью и детей [14, с. 9]. Среднее число лет семейной жизни – 11, число рождений за это период – 5 и число смертей – 2. Смертность детей в возрасте до 10 лет равна, следовательно, 40% (точнее 38,8) – цифра очень большая даже для России, так как знаменитая у нас смертность грудных детей для всей страны равна лишь 27,2%. Дети петербургского текстильного рабочего находятся, таким образом, в худших условиях для выживания, чем дети русского крестьянина, условия жизни которых достаточно общеизвестны. Частота рождений, по-видимому, одинакова во всех группах по достатку, а смертность в более зажиточных группах нерешительно сокращается. Все ли дети текстильных рабочих учатся? – Далеко не все. Так, во-первых, всех семей,

где имеются дети школьного возраста (8–13 лет включительно), – 14: расход же на обучение детей имеется только в 10 из них. Следовательно, почти 30% семей детей вообще не учат. Для детей процент оказывается еще выше, как видно отсюда. Не учится целых 40%. Даже, если исключим четверых 8-летних, по их малолетству, то и тогда получится: 25% – это минимум не учащихся детей текстильного рабочего. А припоминая, что настоящий процент грамотности среди рабочих наших бюджетов – 73,7, приходим к неожиданному выводу, что будущее поколение будет менее грамотным, чем его родители, если, конечно, большую струю грамотности не вольтуют в него выходцы из деревень [4, с. 126].

Таким образом, в силу вышеизложенных обстоятельств сформировался ряд отличительных черт ментального облика российского рабочего в период первой всероссийской революции. Это нескрываемая неудовлетворенность своим экономическим и правовым положением, ослабление религиозных верований, несоблюдение принятых ранее норм поведения, правовой нигилизм и неповиновение властям, попытки изменить собственное положение при помощи массовых выступлений и организаций революционеров. Несомненно, отечественная литература и специальные периодические издания оставили свой след в истории развития научного потенциала исторической науки. Они являются свидетелями революционного периода, и представляют собой исторические документы, которые могут пролить свет на ментальность облика рабочего и его семейного положения.

Список литературы:

1. Араловец Н.А. Городская семья в России, 1897–1926 гг.: историко-демографический аспект. М., 2003.
2. Бахтиаров А.А. Брюхо Петербурга. СПб., 1994.
3. Бернштейн-Коган С.В. Численность, состав и положение петербургских рабочих: опыт. стат. исслед. СПб.: Петерб. политехн. ин-т имп. Петра Великого, 1910.

4. Давидович М. Петербургский текстильный рабочий в его бюджетах. Под ред. проф. А. В. Чаянова. М., 1919. С. 126.
5. Женский вестник. 1908. № 3.
6. История Ленинградского союза рабочих полиграфического производства: коллективный труд. Ленинград: Ленингр. губотд. Союза рабочих полигр. произв. СССР, 1925.
7. Канатчиков С.И. Из истории моего бытия. М.: Старый большевик, 1932.
8. Кирьянов Ю.И. Менталитет рабочих России на рубеже XIX–XX вв.
9. Крузе Э.Э. Положение рабочего класса России в 1900–1914 гг. Л., 1976.
10. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. 3-е изд., испр., доп. Т. 1. СПб., 2003.
11. Михневич В.О. Язвы Петербурга: опыт ист.-стат. исследования нравственности столичного населения. СПб.; М., 2003.
12. Никольский Д.П. Шлиссельбургский пригородный участок в санитарном отношении // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины, издаваемый Медицинским департаментом. 1901. Август.
13. Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М.: РОССПЭН, 2004.
14. Прокопович С.Н. Бюджеты петербургских рабочих: (по данным анкеты, произвед. 12 (содействия труду) отд. И.Р.Т.О.). СПб.: типо-лит. Шредера, 1909.
15. Свирский А.И. Записки рабочего. 4-е изд. М., 1924.
16. Струве П.Б. На разные темы. Спб., 1902.
17. Фирсов С.Л. Рабочие и православная церковь в России в начале XX в. // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 – февраль 1917. СПб.: БЛИЦ, 1997.